

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТАРОНИМОВ: К ПРОБЛЕМЕ ОТБОРА СЛОВНИКА

Статья посвящена проблеме разработки оптимальной технологии рассмотрения лексических и фразеологических единиц, связанных таронимическими отношениями, с одной стороны, в общих и аспектных объяснительных словарях, с другой – в словаре таронимов. Подобный словарь может быть создан на основе системного описания таронимии как антропоцентрической категории, ответственной за смешение в речи лексических единиц вследствие их формальной и/или содержательной смежности, а также выявления круга таронимических единиц (на основе экспериментального исследования).

Ключевые слова: таронимия как антропоцентрическая категория; тароним; антропоцентрическая лексикография; антропоцентрический словарь; макроструктура словаря.

Раскрывая проблему разработки оптимальной технологии рассмотрения лексических и фразеологических единиц (ФЕ), связанных таронимическими отношениями, мы понимаем, что подобный словарь может быть создан только на основе системного описания таронимии как антропоцентрической категории. В связи с этим считаем необходимым пояснить, что таронимы (гр. *taratto* 'путаю, привожу в замешательство' и *опота*, *опума* 'имя') – это лексические и фразеологические единицы, которые устойчиво смешиваются при производстве и/или восприятии речи вследствие их формальной, семантической или тематической смежности [1. С. 144–145].

Проблема смешения лексических единиц имеет давнюю исследовательскую традицию, особенно в рамках изучения различного рода речевых нарушений (ортологический аспект), вспомним хотя бы классификацию «лексических неправильностей» Л.П. Кры-сина:

1) «смешение семантически различных слов вследствие их формальной схожести»: к данной группе относятся часть паронимов, характеризующая отсутствием семантической связи между членами (*полис – полюс*);

2) «смешение формально различных слов вследствие их семантического или тематического сходства»: в данную группу входят синонимы, антонимы, слова одной лексико-семантической группы, тематической или гиперо-гипонимической парадигмы (*глаза – веки, жениться – выходить замуж*);

3) «смешение слов или вариантов вследствие их формальной и смысловой близости»: группа включает в себя паронимы, обладающие смысловым сходством (*подтёк – потёк, эффектный – эффективный*) [2. С. 221].

На наш взгляд, рассмотрение таронимии как антропоцентрической категории позволяет выделить психолингвистическую составляющую данного явления в качестве одной из базовых для понимания сути данного явления [3].

Такое понимание таронимии вполне сходится с идеей В.В. Морковкина о том, что антропоцентрические единицы, в том числе и таронимы, являются достоянием сознания человека, следовательно, причины ошибочного смешения нужно искать в действии речемыслительных механизмов.

Существенным для выделения таронимии в отдельную категорию является вопрос о признаках, или критериях, выделения единиц, относимых нами к таронимическим, а также выявление их типологического разнообразия.

Основным (конституирующим) признаком, позволяющим говорить о том, что лексические и фразеоло-

гические единицы находятся в таронимическом взаимодействии, является критерий устойчивого смешения в речи, его можно назвать *функциональным*.

Суть *структурного* критерия заключается в том, что тароним состоит из двух и более лексических или фразеологических единиц (напр.: *От ваших слов у меня волосы стынут в жилах* (вм. *волосы встают дыбом* или *кровь стынет в жилах*)). Основной структурной единицей таронимии, таким образом, является таронимическая цепочка.

Таронимическая цепочка – группа слов или фразеологизмов, имеющих положительную таронимическую историю, т.е. уже участвовавших в непроизвольном речевом смешении. В конкретном таронимическом акте такая цепочка всегда представлена *таронимической парой*. Применительно к словам в ней один элемент – нужное (правильное и искомое) слово, а другой – его ошибочный заместитель [4].

Морфологический критерий выделения таронимов: такая пара, или цепочка, включает языковые единицы одной части речи, которые обладают некоторым сходством грамматических категорий (напр.: *Кольцо, которое ты одеваешь, совсем не подходит к платью* (вм. *надеваешь*)).

Синтаксический критерий состоит в том, что для таронимов характерна одинаковая синтаксическая валентность, синтаксическая функция в предложении; для фразеологизмов, устойчивых словосочетаний, – сходство синтаксических связей (напр.: *Я выбивался из кожи, но у меня так ничего и не получилось* (вм. *лез из кожи* или *выбивался из сил*)).

Звуковое сходство таронимов (напр.: *Наверное, вы догадались, что обозначает эта полоса!!! Это наша середина! Меридиана!* (вм. *медиана*)) мы отнесли к *формальному* критерию, а сходство лексических значений таронимов или их принадлежность к одной тематической группе (напр.: *Грибоедов изобразил в комедии разложение* (вм. *расслоение*) *дворянского класса на два лагеря*) – к *семантическому* [5].

Таким образом, если ошибочное смешение языковых единиц происходит из-за их формальной, семантической или тематической смежности, то эти факторы могут в определенном взаимодействии друг с другом служить основанием для выделения различных типов таронимических цепочек.

Так, ориентация на формальный и формально-семантический критерии позволяет выявить таронимические цепочки паронимического типа (для однокоренных и разнокоренных паронимов). Ориентация на семантический и тематический факторы дает возможность

выделить в качестве объекта рассмотрения таронимические цепочки содержательного характера, в том числе синонимические, антонимические и агнонимические.

По мнению В.В. Морковкина и Г.М. Мандриковой, отдельность и своеобычность категории таронимии определяется не просто ее отличием, а принципиальным отличием от всех других лексикологических категорий. Это отличие состоит в разной форме их существования и проявления. Всякая традиционная лексикологическая категория обнаруживается на уровне языка и предстает перед нами как объективная данность, воплощенная в связанных соответствующими отношениями лексических группах.

Иначе обстоит дело с таронимами, которые мы не можем обнаружить в обычном объяснительном словаре, сколько бы мы ни вглядывались в представленную в нем информацию. Таронимия возникает и протекает в момент использования языка (т.е. только на уровне речи) как обусловленный ассоциативным сбоем *lapsus linguae* [4].

Другими словами, обнаружить слова-таронимы можно только наблюдая за речью носителей языка или исследуя их речевые произведения. Именно это обстоятельство создает основные трудности в исследовании категории таронимии и порождает необходимость ответить на ряд вопросов, из которых главными, как нам кажется, являются следующие:

- Как подтвердить факт *устойчивого* смещения языковых единиц носителями языка?
- Какие исследовательские процедуры необходимы для подтверждения таких фактов?
- Нужно ли предупреждать носителя языка о наличии у языковых единиц так называемой таронимической ценности (под **таронимической ценностью** мы понимаем подтвержденное свидетельство ошибочного употребления данного слова вместо какого-либо другого)?

Ответ на последний вопрос приводит нас к проблеме, вынесенной в заголовок статьи, – к проблеме лексикографической интерпретации единиц, связанных таронимическими отношениями. Актуальность создания такого словаря кажется нам вполне очевидной.

Во-первых, она может усматриваться в попытке разрешения теоретических вопросов лексикографирования антропоцентрических единиц, требующих, очевидно, особого подхода по сравнению с лексикоцентрическими.

Во-вторых, подобный словарь мог бы найти практическое применение, например, в ортологии и лингводидактике. Понятно, что одной из главных проблем при создании словаря таронимов является разработка его макроструктуры, центральным вопросом которой является отбор словника.

Поскольку в типологическом отношении таронимы неоднородны, их отбор в словник искомого словаря должен осуществляться с последовательным учетом этого обстоятельства. Один из возможных способов такого учета состоит в ориентации на разработанную и описанную модель таронимии [6]. В согласии с ней таронимия может быть представлена в виде поля, имеющего центр и примыкающие к нему периферические области разной таронимической значимости.

Центральную часть поля образуют таронимические цепочки, составленные из паронимов (однокоренных и

разнокоренных), характеризующихся отличной от нуля таронимической ценностью (ср.: *Я шел на этот фильм с огромной опасностью* (вм. *опаской*) (программа «Закрытый показ»); *Вы можете считать, что я какой-то мадригал* (вм. *маргинал*), *но я даже в партии* (ЛДПР) *не состою* (ТВ, программа «Гордон Кихот»)).

Далее следуют таронимические цепочки:

– синонимического типа (ср.: *Следующий фрагмент тоже является образцом* (вм. *примером*) *эвфемизации с помощью устойчивого выражения* (из дипломной работы));

– антонимического типа (ср.: *Есть еще одно небольшое «но», о котором я скажу чуть выше* (вм. *ниже*) (спорт. комментатор Д. Губерниев));

– тематического типа (ср.: *К нам попала девочка из неблагоприятной* (вм. *неблагополучной*) *семьи* (из телеинтервью));

– наконец, таронимические цепочки фразеологического типа (ср.: *Уж я-то его знаю не первый день! Как начнет втираться в душу* (из *втираться в доверие* и *влезать в душу*), *некуда бежать!* (телепрограмма «Час суда с Павлом Астаховым», РЕНТВ)).

Рассмотрим источники и методику отбора языковых единиц, относящихся к каждой из указанных типологических страт.

1. Таронимы паронимического типа

Образуя ядро таронимического поля, паронимы с отличной от нуля таронимической ценностью должны занимать центральное положение и в словнике словаря таронимов.

Существенным обстоятельством, облегчающим их поиск, является наличие в лингвистической науке значительных паронимических накоплений. Речь идет прежде всего о накоплениях, облеченных в словарную форму, т.е. о словарях паронимов. Эти словари как раз и являются основными источниками, с опорой на которые формируется паронимическая часть искомого словника.

Технология (процедура) извлечения цепочек, отвечающих объявленным требованиям, включает в себя:

1) последовательное обследование каждого из имеющихся словарей паронимов с целью установления в их пределах упомянутых цепочек (однокоренных и разнокоренных паронимов);

2) извлечение последних из обследованных источников и включение их в формируемый словник. Характер осуществляемых при этом исследовательских действий можно проиллюстрировать на материале одного из такого рода лексикографических произведений, а именно словаря паронимов, составленного В.И. Красных [7].

Анализ 1100 паронимических рядов, которые рассматриваются в этом словаре, позволяет распределить полученные в результате сплошной выборки лексемы-паронимы (примерно 2 600 единиц) по трем группам.

В первую группу входят паронимы, которые не обладают признаком устойчивого смещения, т.е. такие, таронимическая ценность которых равна нулю (ср.: *кабина – кабинет, способ – способность, радиатор –*

радиация и т.д.). Данная группа насчитывает 798 паронимических рядов.

Вторую группу составляют паронимы, обладающие признаком устойчивого смешения в речи, т.е. имеющие таронимическую ценность, отличную от нуля. В пределах этой группы выделяются:

а) лексические единицы, смешение которых не влечет за собой нарушения коммуникации (ср.: *ярый – яростный, надеть – одеть, заплатить – оплатить – уплатить* и т.д.), хотя и оценивается с позиции ортологии как нарушение нормы. Таких рядов оказалось 245. Сюда же относятся слова, одинаковые по значению, но имеющие словообразовательные (ср.: *волнительный – волнующий, оптимистический – оптимистичный, специфический – специфичный*) и стилистические различия (ср. *усастый (разг.) – усатый*) и т.д.);

б) лексические единицы, смешение которых приводит к разрушению коммуникации. Часть из паронимов этой группы – явные агнонимы, ошибочно смешиваемые носителями языка вследствие незнания их значения (ср.: *барк – барка – баркас, белуга – белуха*).

Эта группа также может быть отнесена и к таронимам 5-го типа, поскольку лексемы, входящие в данные цепочки, характеризуются вполне очевидной тематической смежностью, ср.: *барк – барка – баркас (небольшое судно); белуга – белуха (морское существо (рыба и дельфин))*.

Третья группа – это паронимы, обоснованное суждение о таронимической ценности которых может быть вынесено только после их экспериментального изучения. В данную группу входит 178 рядов, для которых не имеется надежного текстового подтверждения их устойчивого смешения; это группа потенциальных таронимов.

Таким образом, в создаваемый словарь должны войти все паронимы второй группы (226 паронимических цепочек), а также те паронимы из последней группы, таронимическая ценность которых в результате экспериментального изучения окажется выше нуля. Аналогичным образом должны быть рассмотрены и паронимические массивы, приводимые в других паронимических источниках (монографиях, диссертациях, учебных пособиях и т.п.).

2. Таронимы, смешение которых обусловлено в основном их содержательной смежностью

Если паронимы – вполне традиционная лексикологическая категория, в значительной своей части уже опознанная и предъявленная в имеющихся лексикографических источниках, что делает их отбор в словарь искомого словаря достаточно комфортным, то отбор слов, смешение которых обусловлено их содержательной смежностью, требует проведения специальных исследований, включающих:

– анализ научной и учебной литературы на предмет выявления высказываний, содержащих таронимические ошибки при употреблении синонимов, антонимов и других семантически смежных единиц;

– анализ работ, посвященных литературному редактированию;

– анализ записей неподготовленной устной речи на радио и телевидении;

– анализ словарей и пособий, посвященных рассмотрению таких лексических систем, как синонимы, антонимы, лексико-семантические группы, тематические группы, идеографические классы, на предмет выявления потенциальных таронимов;

– проведение целого ряда экспериментальных исследований, направленных на подтверждение таронимической ценности синонимических, антонимических и «тематических» единиц.

3. Таронимы фразеологического типа

Таронимическая ценность ФЕ обуславливается рядом признаков, одновременное наличие которых приводит к появлению в речи носителей языка фразеологического гибрида – единицы, обнаруживающей контаминационное взаимодействие пары ФЕ, являющихся на этом основании фразеологическими таронимами [5. С. 56].

Таким образом, в случае наличия у двух ФЕ «скопления» таких признаков можно говорить о потенциальной таронимичности таких единиц, а в случае фиксации / обнаружения фразеологического гибрида – констатировать, что фразеологические единицы, являющиеся исходными, есть фразеологические таронимы (напр.: *Хотя все написано белыми нитками (из вилами по воде (на)писано и шито белыми нитками)* (Итоговая программа НТВ); *Австрийский биатлонист Кристоф Зуман поменял многое в своей подготовке, и все это пошло спортсмену на руку (из пошло на пользу и быть кому-л. на руку)* (спортивный комментатор Д. Губерниев)).

Отбор фразеологических таронимов может осуществляться следующим образом. Первый путь, назовем его условно собственно исследовательским, состоит из двух этапов и направлен на:

– подбор в словарях фразеологизмов и словарях фразеологических синонимов таких единиц, сравнение / анализ которых по ряду названных признаков даст список потенциальных таронимов с разной степенью таронимической ценности, отличной от нуля (1-й этап);

– целенаправленный поиск возможных фразеологических гибридов, образованных от таронимических фразеологизмов, включенных в созданный по формальным основаниям список (2-й этап).

Второй путь обнаружения таронимов при формировании словаря, как и при отборе таронимов других типов, заключается в уже известной работе с ортологической литературой – извлечении фразеологизмов-таронимов из данных источников как «отрицательного языкового материала» и наблюдении над реальным словоупотреблением, благо оно постоянно дает возможность фиксировать фразеологические таронимы (напр.: *Можно за него выходить замуж и быть как за каменной спиной (из как за каменной стеной (быть, чувствовать себя) и держаться (быть) за чьей-то спиной)* (ТВ, «Давай поженимся»)).

Как видим, вопрос о создании словаря, состоящего из цепочек таронимического типа, имеет свое решение.

Ключевым понятием в современной лексикографии становится антропоцентрический словарь – словарь, который призван «целесообразно воздействовать на языковое сознание человека» [8. С. 104].

Такой тип словаря противопоставлен лингвоцентрическому, фиксирующему, описывающему и оценивающему языковые факты, но не ориентированному на пользователя, не помогающему носителю языка получить информацию, соответствующую его запросам.

Постановка проблемы создания словаря таронимов – словаря антропоцентрического – представляется нам весьма своевременной попыткой выйти на понимание того, как лингвистическое знание может быть применено в реальной действительности, исходя из потребностей человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997. 414 с.
2. Крысин Л.П. К типологии лексических «неправильностей» // Словарь и культура русской речи. М., 2001. 560 с.
3. Мандрикова Г.М. Явление таронимии в свете психолингвистического подхода // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. 2008. Т. 7, вып. 2: Филология. С. 44–48.
4. Морковкин В.В., Мандрикова Г.М. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие // Русский язык за рубежом. 2010. № 5 (222). С. 42–48.
5. Мандрикова Г.М. Русская лексическая система в антропоцентрическом рассмотрении (категория таронимии) // Антропология языка : сб. статей / отв. ред. С.Р. Омельченко. М., 2010. Вып. 1. С. 81–95.
6. Мандрикова Г.М. Таронимия как лингвистический объект. Новосибирск, 2011. 150 с.
7. Красных В.И. Паронимы в русском языке. Самый полный толковый словарь. М., 2009. 592 с.
8. Морковкин В.В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному : сб. статей / под ред. В.В. Морковкина, Л.Б. Трушиной. М., 1986. С. 102–117.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 июня 2011 г.